

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ М. Я. ОСТРОГОРСКОГО

Рябов Виктор Васильевич, доктор исторических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, г. Москва, пр-д 2-й Сельскохозяйственный, 4, корп. 1
E-mail: ryabovv@mgu.ru

В политическом наследии незаслуженно забытого в советские годы выдающегося русского мыслителя начала XX в. М. Я. Острогорского имеется весьма важный компонент, который по всем своим признакам относится к системе философских представлений о политике, власти и государстве в целом. Российскими исследователями и ранее отмечалось, что уровень качества его политической науки подымается до пределов философского осмысления политической реальности, позволяя обобщить и анализировать колоссальный собранный им эмпирический материал. Именно философское осмысление действительности ставит Острогорского в один ряд с выдающимися российскими умами того времени. Его вклад в развитии политической теории незаслуженно забыт и всё ещё по-прежнему недооценен. В настоящей работе мы проанализируем его взгляд в развитие политико-философской мысли относительно сущности предмета политической власти, рассмотрев ее через такие категории, как «демократия», «элита», «массы», «политические партии», «политическое лидерство». Острогорский предвосхитил появление многих научных теорий, которые возникли уже позже него, но которые теоретически исходили из тех позиций, которые впервые были сформулированы в его работах.

Ключевые слова: политическая партия, власть, идеология, демократия, свобода, манипуляция, мировоззрения, массы, элиты, лидеры, парламентаризм, традиции

PHILOSOPHY OF AUTHORITY IN POLITICAL TEACHING M. Ya. OSTROGORSKY

Ryabov Viktor V., Ph. D. (History), Professor
Moscow City Pedagogical University
4, bldg. 1 Vtoroy Seskokhozyaystvennyy Ave., Moscow, 129226, Russian Federation
E-mail: ryabovv@mgu.ru

The political heritage of the outstanding Russian thinker of the early twentieth century, undeservedly forgotten in the Soviet years, M. Ya. Ostrogorsky has a very important component, which, by all its characteristics, refers to the system of philosophical ideas about politics, power and the state as a whole. Russian researchers have previously noted that the level of quality of his political science rises to the limits of philosophical understanding of political reality, allowing us to generalize and analyze the colossal empirical material he has collected. It is a philosophical understanding of reality that puts Ostrogorsky on a par with the outstanding Russian minds of that time. His contribution to the development of political theory has been undeservedly forgotten and is still underestimated. The given article analyzes his view of the development of political and philosophical thought regarding the essence of the subject of political power, having examined it through such categories as "democracy", "elite", "masses", "political parties", and "political leadership". Ostrogorsky anticipated the appearance of many scientific theories that arose later than him, but which theoretically proceeded from the positions that were first formulated in his works.

Keywords: political party, power, ideology, democracy, freedom, manipulation, worldviews, masses, elites, leaders, parliamentarism, traditions

Известный российский политический теоретик и один из основоположников политической социологии *Моисей Яковлевич Острогорский* (1854–1921) вошел в историю как родоначальник теорий политических партий. Выпускник юридического факультета Петербургского университета, он в 1881 г. поступил в Парижскую школу политических наук, где успешно защитил диссертацию на тему: «Истоки всеобщего избирательного права» (1885). Более 20 лет он прожил во Франции, Англии и США. Всемирную известность ему принесла работа «Демократия и политические партии» (Париж, 1898) [7] которая стала прологом и для «железного закона

олигархии» Р. Михельса, [8] и для политической социологии М. Вебера¹, и для теории тоталитаризма Х. Арендт [1].

Сама концепция М. Я. Острогорского родилась не на пустом месте, а опиралась на традиции российской либеральной мысли второй половины XIX – начала XX в. (ее представляли в то время были такие видные теоретики, как Б. Н. Чичерин, Л. И. Петражицкий, П. М. Новгородцев, С. А. Муромцев, П. Н. Милюков) [2, с. 98]. Отметим также, что наряду с занятиями наукой, М.Я. Острогорский занимался и практической политикой, был членом Первой Государственной думы от Гродненской губернии (1906 г.) и по своим политическим взглядам отдавал свои предпочтения кадетам [3].

В рамках общей философской концепции М. Я. Острогорского интересует вопрос о том, какой должна быть и каковой на самом деле является власть при демократическом режиме. Вопрос о власти красной нитью проходит через все его работы, определяя их характер. В настоящем исследовании мы постараемся приоткрыть некоторые особенности этого вопроса и на примере анализа сущности власти и демократии, показать, как шел процесс становления его философских представлений.

Как уже было отмечено выше, более 20 лет М. Я. Острогорский прожил в странах развитой западной демократии, специально изучая вопрос о всеобщем избирательном праве, эволюции парламентаризма и сущности политических партий. Сама среда его научного обитания не могла не отразиться на его научных представлениях и философском мировоззрении. Все это, в свою очередь, нашло отражение на страницах его произведений. Тема власть и демократия стала центральной темой его научных работ по политической социологии.

Книга «Демократия и политические партии» стала классическим трудом, в котором впервые её автором был раскрыт механизм власти и управления, показаны противоречие реальных принципов функционирования демократических институтов и прежде всего самих политических партий². М. Я. Острогорский весьма основательно дал описание механизмов быстрого перехода от традиционного общества к демократическим системам. Процесс омассовления общества привел к тому, что сами массы стали играть более значительную роль в современных политических процессах, открыв тем самым возможность для возникновения нового авторитаризма – «демократического цезаризма», который использует демократические формы для утверждения антиправового диктаторского режима. Именно он впервые задолго до Р. Михельса обратил внимание на то, что власти партийного меньшинства над партийным большинством носит олигархический характер [2]. Острогорский первым также обратил внимание на то, что в XX в. складывается массовое общество, руководство которым все больше начинает зависеть от умения манипулировать волей избирателей. В силу этого и сам характер взаимоотношений масс и политических партий все больше приобретает спекулятивный характер. Идет процесс бюрократизации и формализации властных структур и в первую очередь структур партийных организаций, втянутых в жесткую конкуренцию борьбы за власть. Указанные тенденции приводят к возникновению особых политических механизмов подавления воли общественного большинства и установления господства меньшинства. Все это позволяет политическим лидерам нового поколения (вождям) сосредоточивать власть над партийными структурами в своих руках и через партии воздействовать на массы. Острогорский фактически описал начальную фазу становления тоталитаризма, который в первой половине XX в. будет особенно популярен в Европе.

Острогорский подчеркивал, что в основе партийной системы лежат идеологические ценности, носящие теологический характер. Партийная идеология становится новым видом политической религии: «Принципы или программа партии являлась верой, облеченной, подобно

---

¹ Отечественная социология конца XX в. отмечает, что М. Я. Острогорский «наряду с Вебером и Михельсоном признан ныне одним из основателей современной политической социологии, прежде всего такой ее специфической области, как учение о политических партиях» [4, с. 226].

² По мнению А. Н. Медушевского, «в отличие от других крупных русских социологов, как М. М. Ковалевский, он [Острогорский] не был создателем особой научной школы, не был он и крупным политическим деятелем, как П. Н. Милюков. Его вклад в науку носит, главным образом, теоретический характер. Сам Острогорский, по-видимому, не предполагал, что совершил крупнейшее научное открытие, значение которого станет ясно лишь значительно позднее» [5, с. 95]. Поэтому и его современники оставили его труд без должного внимания.

церковной вере, санкцией правомерности и иноверия. Присоединение к партии должно было быть полным, нельзя расходиться с партией ни в одном из пунктов ее символа веры, так же как нельзя принимать по выбору отдельные догматы религии. ...«Соответствие» (conformity) с кредо партии являлось единственным правилом политического поведения; подобно религиозной вере, оно распространяло должную милость на всех настоящих и будущих ее членов. *Ни одно действие партии, ни одно преступление, совершенное ею, не могло ни разрушить или подорвать ее действительной благости, ни предать ее противоположной партии: она управлялась теологическим принципом наследственного достоинства или недостойности* [выделено – В. Р.]» [7, с. 290]. Политические партии становятся своего рода культовыми центрами этой новой демократической религии.

Власть меняет природу человека, делает его уязвимым перед силой политической неизбежности и целесообразности. «Из всех граждан демократии наиболее боязливыми являются те, которые обладают политической властью. Они завянут от первого встречного; их судьба находится в руках человека с улицы. Они стараются ему нравиться, унижаясь до него; но так как они совсем не знают его чувств, то из боязни просчитаться, они их расценивают как можно ниже и приспособляются к этому. Всякий, кто облечен частицей государственной власти или тот, кто к ней стремится, этим самым уже лишается человеческого достоинства. Человеческое достоинство понимается лишь как верноподданническая покорность, которая падает ниц перед самодержавной толпой» [7, с. 367].

Демократии присущ формализм народного участия в формировании и контроле власти. Острогорский справедливо отмечает: «Демократизированная лишь с виду, партийная система свела политические отношения к чисто внешнему единообразию. Этот формализм дал возможность усилиться слабостям, присущим демократическому управлению, и уменьшил его силу». И далее продолжает: «Первым признаком демократического управления является участие в нем большой массы граждан. Однако большая масса, естественно, пассивна. ...Общественное сознание должно быть деятельным, т. е. воинствующим: гражданин должен быть всегда на страже, со взглядом, устремленным на общественное дело, и готовым отдать ему без всякой заинтересованности свое время и свои усилия» [7, с. 308]. Самым же деятельным участником политических партий оказывается ее партийная элита, которая и контролирует процесс партийной жизни и управления. Массы оказываются простыми статистами. Но именно они придают партиям вид демократии.

Острогорский указывает на то, что уже сама идея демократии таит в себе некий соблазн – соблазн того, что народ имеет некую перспективу (возможность) обладать некой властью. «К экономическим и социальным условиям, отвлекающим внимание гражданина от общественных дел и усыпляющим его бдительность, в демократиях присоединяется еще крайняя доверчивость, внушенная обладанием неограниченной власти. Будучи членом самодержавного народа, каждый гражданин, сознательно или бессознательно, относит к самому себе несокрушимую силу народа, которая делает излишними все заботы об общественном благе» [выделено – В. Р.]. Он воображает, что сможет всегда своевременно вмешаться, чтобы внести порядок в дела, если это понадобится» [7, с. 314]. Демократия усиливает в политике манипулятивность, активизирует демагогические элементы оправдания существующего политического строя.

М. Я. Острогорский уверял, что «достаточно горсточку людей, чтобы создать могучую организацию, охватывающую тысячи избирателей» [7, с. 168]. В условиях массового общества преимущество будет не столько у тех, кто мобилизует наибольшее число своих сторонников, а тех, кто проявит свою более высокую активность и организованность.

По мнению автора книги «Демократия и политические партии» центральным пунктом его произведения является осуждение самой партийного режима, как главного признака демократии. Общество склонно рассматривать партийную систему как некое явление естественного порядка, якобы зависящее от проведения. Для большинства партии свою деятельность создают некое превосходство и величие парламентаризма. И даже те некоторые, которые, не отрицая зла партийной системы, покорно принимают ее как неизбежное зло, понимают, что против этого зла они не знают никаких средств. Как считал М. Я. Острогорский, «не только режим партии не является единственным злом демократии, но некоторые из его печальных последствий встречаются также и там, где система жестких партии не превалирует.

Так, например, протестирование общего интереса в пользу частных интересов, фаворитизм, регулярное использование администрации для обслуживания избирательных депутатов, на что так жалуются во Франции, развились в гораздо более мягких формах партийного режима, чем кокус. Но разве из-за этого проблема партийного режима при демократии уничтожается или теряет в своем значении?» [7, с. 321].

Согласно позиции самого М. Я. Острогорского, «партия по своей природе является свободным объединением граждан, которое, как и всякое другое объединение, не поддается внешнему воздействию, поскольку оно не противоречит общему закону. Государство, уважающее основные права граждан, игнорирует партии как таковые. Оно не имеет права спрашивать у членов какой-либо группировки, каковы их политические идеи и каково их политическое прошлое. Государство не имеет права ни штемпелевать политические убеждения, ни устанавливать условия, при которых этот штампель может быть наложен. Ни в одной свободной стране не было попыток к подобному вмешательству» [7, с. 276].

Исследователь утверждает, что ассоциация, положенная в основу системы партий, не имела также определенных границ, она являлась как бы «интегральной ассоциацией», похожей на ту, при посредстве которой некоторые социальные реформаторы пытались и теперь еще пытаются организовать экономическую жизнь с целью уничтожения нищеты. По его мнению, высшей силой демократии является искусство социального запугивания. Именно партия первой из всех государственных институтов власти овладела этим искусством, и вместо того, чтобы стимулировать гражданское сознание к заботе о государстве, она его напротив всячески усыпляла [7, с. 311]. Он также считает, что власть социального запугивания была подорвана со всех сторон политическим формализмом, введенным партийной системой, и этот формализм мешал ей укорениться со всей своей силой [7, с. 313].

Для него демократия не есть что-то раз и навсегда застывшее, а постоянно меняющийся (совершенствующийся) политический механизм. «Демократическое управление, задыхающееся при партийном режиме, требует более гибкого, более эластичного способа действий. Концепция лиг, внушаемая самим политическим опытом, дает наиболее ясное, наиболее законченное выражение этой практической необходимости» [7, с. 322]. Демократическая власть как раз и должна следить за всеми этими трансформационными процессами и сама их определять и проводить.

Власть партийной элиты основана на вере в правильность исповедуемых ею идеологических догм. «Принципы или программа партии являлись верой, облеченной, подобно церковной вере, санкцией правомерности и иноверия. Присоединение к партии должно было быть полным нельзя расходиться с партией ни в одном из пунктов ее символа веры, так как нельзя принимать по выбору отдельные догматы религии... «Соответствие» (conformity) с кредо партии являлось единственным правилом политического поведения, подобно религиозной вере, оно распространяло должную милость на всех настоящих и будущих ее членов. Ни одно действие партии, ни одно преступление, совершенное ею, не могло ни разрушить или подорвать ее действительной благодати, ни предать ее противоположной партии: она управлялась теологическим принципом наследственного достоинства или недостойности» [7, с. 309].

Согласно М. Я. Острогорскому, растащенные по «партийным квартирам», политические идеологии разделили умы целых поколений на враждующие между собой группировки, каждая из которых жаждет одного: добыть для себя власть. При этом отмечается исключительно иррациональный характер самих политических идеологий – они столь далеки от научных истин, что порой воспринимаются как элемент политической религии. «Приемы, которыми была введена система постоянных партий, настолько же искусственная, как и иррациональная и устаревшая в своем принципе, неизбежно должны были носить такой же характер, так как проблемы, занимавшие общественное мнение, были многочисленны и разнообразны, было необходимо приспособлять проблемы к определенным группировкам людей, вместо того чтобы группировать людей в соответствии с проблемами» [7, с. 309–310].

М. Я. Острогорский подметил одну важную особенность: сущность власти сводится к умению запугивания подвластного им общества. «Проявлять власть - это не что иное, как только запугивать, применять моральное принуждение для того, чтобы заставить себе повиноваться. Деспот применяет ее так же хорошо, как и республиканский министр: его материального могущества было бы недостаточно, так как оно свелось бы к его мускульной силе. Сила запугивания,

управляющая политическим обществом, является полной только тогда, когда она господствует над всеми его членами, над управляющими так же, как и над управляемыми» [7, с. 311–312]. Политические партии как раз организованы таким образом, чтобы с наибольшей эффективностью осуществлять подобного рода запугивания. Ведь организации обыватель легче верит, чем отдельно взятому политику. «Когда власть социального запугивания сводится только к репрессии, к народному гневу, которого надо бояться, власть социального запугивания оказывается ослабленной не только, так сказать, количественно, но также и качественно, и с ней вместе уменьшается также могущество демократического режима. И действительно, различные политические режимы отличаются друг от друга по характеру того страха, который внушает эта власть» [7, с. 313]. Именно управление страхом становится сущностью любой политической власти.

В интерпретации сущности власти М. Я. Острогорского характерно использование терминологии элитологической науки. По его мнению, демократия представляет собой особое, специфическое отношение элиты и массы. «Если говорят, что народ не способен к самоуправлению и что, следовательно, поэтому всеобщее избирательное право и парламентаризм являются абсурдом, то я готов согласиться с первым пунктом, но нахожу, что вывод, который из него делается, совершенно ошибочен: политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны. Если даже облечь их всеми правами народной инициативы, – пишет далее М. Я. Острогорский, – непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда меньшинство, при демократии так же, как и при самодержавии. Естественным свойством всякой власти является концентрация, это как бы закон тяготения социального порядка. Но нужно, чтобы правящее меньшинство всегда находилось под угрозой. Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать управителей» [7, с. 312].

Характер демократии напрямую зависит от уровня политико-правового образования общественного большинства. «Действительным вопросом в данном случае является вопрос о том, способны ли они запугивать и в какой мере они на это способны. Что массы в большинстве современных демократий способны серьезно запугивать управителей, это вне всякого сомнения. И именно благодаря этому мог быть осуществлен серьезный прогресс в обществе; плохо ли, хорошо ли, но управители вынуждены считаться с народными нуждами и стремлениями. Большим затруднением теперешнего политического положения является то, что еще малообразованные и недостаточно сознательные массы недостаточно запугивают политиков» [7, с. 312]. Массам не хватает правовой и политической образованности. Поэтому элитам оказывается достаточным и минимум компетентности для того чтобы управлять такими массами. «Таким образом, – констатирует исследователь, – широко распространенное массовое образование и способность масс к высказыванию своего мнения имеют в политической жизни в меньшей степени непосредственное значение, – исключая, разумеется, их значение для более сознательного выбора своих уполномоченных, – и в большей степени необходимы для лучшего запугивания тех, кто управляет от имени народа и спекулирует на недостатке его проницательности. Эти управители будут вести себя иначе, если им придется иметь дело с более образованными избирателями; они их будут больше запугивать. Вот почему вдвойне важно в демократии поднимать интеллектуальный и моральный уровень масс: вместе с ним автоматически поднимается моральный уровень тех, которые призваны стоять выше масс» [7, с. 313].

Расцвет партийной системы М. Я. Острогорский относит к эпохе упрочения политических основ западной демократии. Первым признаком демократического управления является участие в нем большой массы граждан. Главной проблемой демократии является то, что большая часть общества находится в естественно пассивном состоянии и не способна проявлять постоянную политическую активность, в то время как принципы демократии требуют сознательной активности гражданских масс. «Общественное сознание должно быть деятельным, т. е. воинствующим: гражданин должен быть всегда на страже, с взглядом, устремленным на общественное дело и готовым отдать ему без всякой заинтересованности свое время и свои усилия» [7, с. 311]. М. Я. Острогорский был убежден, что из всех недееспотичных режимов демократический режим менее всего способен к пробуждению народного сознания в условиях современной цивилизации.

Политическая власть основана на естественном состоянии неравенства в обществе. «Равенство прав не может компенсировать естественного неравенства умов и характеров. С другой стороны, авторитет руководителей не может воздействовать явно и непосредственно на людей, признанных к политическому равенству [выделено – В. Р.]. Чтобы не сбиться с пути, демократия, следовательно, нуждается в вождях, но они могут явиться и выполнять свои функции лишь при условии, если в этом уравновешенном обществе существует естественный отбор руководящей группы. Как создать более благоприятные условия для развития этого отборного элемента в общественной жизни? В этом заключается одна из основных проблем демократии» [7, с. 314].

Тема политической элиты вводит Моисея Яковлевича в число представителей теории элит начале XX в. В своих взглядах на элиту он формулирует идеальный тип элиты, который находится под контролем общественного большинства. «У рассудительного или благочестивого властелина или господствующего класса увлечение властью может быть умерено боязнью того, что в один прекрасный день народ, обиженный в своих интересах или в своих правах, начнет сопротивляться...» [7, с. 349]. Для сохранения своего потенциала, элиты должны всегда находиться «под угрозой», и как раз функция масс и должна состоять в том, чтобы «запугивать управителей», а не в том, чтобы самим управлять [7, с. 352].

«Старой европейской демократии» грозит полное вырождение в случае, когда восторжествоует укоренившийся в его структурах формализм партийной парламентской жизни. Моисей Яковлевич предупреждал своих современников о грядущем тоталитаризме. Но он не был услышан ими. Его пророческое предупреждение повисло в воздухе. Спасти положение могла трансформация формальной демократии в демократию живого гражданского общества. «Само собой разумеется, – писал М. Я. Острогорский, – что, для того чтобы эта победа над политическим формализмом стала реальной, она должна быть внедрена прежде всего в сознание избирателей. Больше не будет существовать такой легальной власти, которая могла бы издавать и заставлять выполнять декреты, продиктованные этим формализмом: 1) постоянные партии будут окончательно распущены; 2) борьба за власть будет безусловно запрещена партиям; 3) избиратели докажут свою гражданскую сознательность. Чтобы эти предположения сделались осуществимыми, необходимо изменить умонастроение избирателей, нужно с корнем вырвать у них условные понятия, предрассудки, которые овладели их разумом и заставляют их думать, что гражданин, слепо следующий за своей партией, является «патриотом» и что протитуирование власти в пользу партии является благим делом...» [7, с. 319]. Буржуазная демократия убаюкала не только избирателей, но и самих политиков, свято уверовавших в ее историческое предназначение.

М. Я. Острогорский предупреждает, что формальная демократия притупляет чувство личной ответственности политика за проводимую им политику. «Пробудить в гражданах разум и совесть и развить в них чувство индивидуальной ответственности еще недостаточно для того, чтобы обеспечить свободное и непосредственное действие, без которого демократия остается поверхностной. Само собой разумеется, что внутренняя свобода не может укрепиться в публичной жизни без внешней свободы, что государство одинаково нуждается в свободных установлениях и в правах, соответствующих этим установлениям. Эта формула, которая уже однажды была дана Тацитом в его знаменитом изречении: *quid leges sine moribus?* (что значат законы без нравов?), не совсем полна, так как кроме установления и нравов, кроме легальных средств для осуществления цели политического общества и одушевляющего его разума существует еще третий фактор, помощь которого не менее необходима и который не был достаточно оценен: методы, необходимые для того, чтобы заставить средства служить цели, – политические методы» [7, с. 320]. Без соблюдения всех этих норм демократия бессмысленна. А неэффективная в управлении демократия вырождается со временем в свою противоположность. Острогорский считал, что «От эффективности политических методов режима зависит, следовательно, в конечном счете успех самого режима, и с этой точки зрения можно сказать, что в управлении все сводится к вопросу о методах...» [7, с. 320].

По замыслу самого М. Я. Острогорского, следовало реформировать политическую систему таким образом, чтобы исключить возможность какого-либо произвола диктатуры партийной системы. В этом по его мнению и заключается главный признак демократии. При этом он ссылаясь на уже имеющуюся в его время критику политических недостатков демократии.

Он ратовал за расширение принципов парламентаризма и за свободу индивида внутри самой партии [7, с. 321].

***

В XX в. в западной политической литературе новизна и оригинальность теории М. Я. Острогорского были отмечены сразу по выходе его книги «Демократия и политические партии». Наряду с М. Вебером и Р. Михельсом он вошел в число избранных, на ком основывается вся политическая социология, и прежде всего такой ее раздел, как учение о политических партиях. Его критические замечания по поводу уязвимости демократических институтов власти, остаются актуальными и по сей день. Как писал один из его французских исследователей, «он показал, что демократия – это скорее проблема, чем решение» [9, р. 7]. И главной проблемой является вопрос о том, какой должна быть власть, чтобы не официально (формально), а реально считаться демократической. Данный вопрос остается актуальным и по сей день. И сегодня многие ученые и политики задаются тем же самым вопросом, ответ на который более 100 лет назад сформулировал М. Я. Острогорский – демократию губит ее формализм...

Список литературы

1. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой и др.; послесл. Ю. Н. Давыдова; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. – Москва : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Ашин, Г. К. Острогорский и Михельс: элита и демократия / Г. К. Ашин // Элитологические исследования. – 2000, октябрь. – № 3–4 (10–11).
3. М. Я. Острогорский. Жизнь и труды основоположника современной партологии. – Москва : Московский государственный строительный университет, 2017. – 288 с.
4. Медушевский, А. Н. История русской социологии / А. Н. Медушевский. – Москва, 1993. – 530 с.
5. Медушевский, А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе / А. Н. Медушевский. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 650 с.
6. Медушевский А. Н. Проблемы современной демократии / А. Н. Медушевский // Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. – Москва : РОССПЭН, 1997. – С. 5–42.
7. Острогорский, М. Я. Демократия и политические партии: Соединенные Штаты Америки : пер. с фр. / М. Острогорский ; под ред. Е. Пашуканис ; пер. А. М. Демьянова. – Москва : Коммунистическая академия, 1930. – Т. 2. – 376 с.
8. Michels Robert. Political Parties / A sociological study of the oligarchal tendencies of modern democracy. – Kitchener, 2001. – 266 p. = Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. – New York : Hearst's Intern. Library Co., 1915.
9. Rosanvallon, P. Lire Ostrogorski / P. Rosanvallon // Ostrogorski, M. La democratie et les parties politiques. – Paris, 1979.

References

1. Arendt, Kh. *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism]. Ed. by M. S. Kovaleva, D. M. Nosov. Moscow, TsentrKom Publ., 1996, 672 p.
2. Ashin, G. K. Ostrogorskiy i Mikhels: elita i demokratiya [Ostrogorsky and Michels: elite and democracy]. *Elitologicheskiye issledovaniya* [Elitological studies], 2000, Oktober, no. 3–4 (10–11).
3. M. Ya. Ostrogorskiy. *Zhizn i trudy osnovopolozhnika sovremennoy partologii* [Life and works of the founder of modern partology]. Moscow, Moscow State University of Civil Engineering Publ., 2017, 288 p.
4. Medushevskiy, A. N. *Istoriya russkoy sotsiologii* [History of Russian Sociology]. Moscow, 1993, 530 p.
5. Medushevskiy, A. N. *Demokratiya i avtoritarizm: rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'noy perspektive* [Democracy and authoritarianism: Russian constitutionalism in a comparative perspective]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 650 p.
6. Medushevskiy A. N. Problemy sovremennoy demokratiy [Problems of modern democracy]. *Ostrogorskiy M. Ya. Demokratiya i politicheskiye partii* [Ostrogorsky M. Ya. Democracy and political parties]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, pp. 5–42.
7. Ostrogorskiy, M. Ya. *Demokratiya i politicheskiye partii: Soyedinennyye Shtaty Ameriki* [Democracy and Political Parties: United States of America]. Ed. by Ye. Pashukanis. Moscow, Komunisticheskaya akademiya Publ., 1930, vol. 2, 376 p.
8. Michels Robert. *Political Parties / A sociological study of the oligarchal tendencies of modern democracy*. Kitchener, 2001. 266 p.
9. Rosanvallon, P. Lire Ostrogorski [Read Ostrogorski]. *Ostrogorski M. La democratie et les parties politiques* [Ostrogorski, M. Democracy and political parties]. Paris, 1979.